

Никифор, архиеп. Константинопольский, свт. Разбор и опровержение невежественного и безбожного суесловия нечестивого Мамоны против спасительного воплощения Бога Слова / Пер. И. Д. Андреева; под редакцией М. Д. Муретова // Богословский вестник 1905. Т. 1. № 3. С. 17–32 (1-я пагин.). (Продолжение.)

изображеніе (*εἰκασμα*), ибо здѣсь нѣтъ нужды въ изображеніяхъ и въ предметахъ, чувственно воспринимаемыхъ. Говорить въ данномъ случаѣ объ изображеніяхъ невозможно: это неразумнѣе и нечестивѣе, чѣмъ раньше имъ сказанное. Эти нелѣпости и противорѣчія въ его рѣчи вполнѣ выказываютъ его.

16. Теперь, такъ какъ онъ завелъ рѣчь объ изображеніяхъ и искусственныхъ образахъ, которые изготовляются изъ надлежащихъ матеріаловъ при помощи извѣстныхъ пріемовъ людьми, занимающимися этимъ искусствомъ, кто изъ здравомыслящихъ въ состояніи слышать, когда онъ говоритъ, что и изображеніе и образъ единосущны первообразу? Прежде всего онъ заблуждается въ томъ, что отождествляетъ сущность и искусство, хотя они весьма отличны другъ отъ друга. Творецъ и Устроитель міра Богъ вызвалъ природу изъ небытія къ бытію. Искусство подражаетъ природѣ, но не одно и то же съ нею; оно беретъ формы природы, какъ образцы и первообразы, выполняетъ нѣчто подобное и похожее, какъ это можно видѣть на многихъ произведеніяхъ. Затѣмъ Мамона противорѣчитъ здравому смыслу и тѣмъ, что считаетъ одушевленное ни въ чемъ неотличнымъ отъ неодушевленного и признаетъ то и другое единосущнымъ. Такъ какъ, напримѣръ, человѣкъ есть существо одушевленное, то и портретъ его и изображеніе должно быть такимъ же,—а также краски и прочій бездушный матеріаль, изъ котораго изготовленъ портретъ, отъ человѣческой природы не отличаться. Соотвѣтственно такому разсужденію, и то и другое должны имѣть общее опредѣленіе и обладать одинаковымъ единосущіемъ. Какъ человѣкъ въ отношеніи къ человѣку подпадаетъ одному и тому же опредѣленію, такъ же точно и изображеніе. И если человѣкъ есть живот-

ное словесное, смертное, обладающее разумомъ и наукою, то и изображеніе есть точно также существо словесное, смертное, обладающее разумомъ и наукою, не различающееся ничѣмъ. Но никакое подобіе не можетъ достигать до полнаго совершенства истины, говорить сама истина съ знаменитыми богословами ¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что даже одинъ и тотъ же человѣкъ различается въ себѣ, ибо состоитъ изъ двухъ природъ, то-есть изъ тѣла и души, хотя и представляетъ собою нѣчто единое. И каждая изъ составныхъ частей имѣетъ собственное опредѣленіе: одно существо—душа, другое—тѣло, при многообразныхъ различіяхъ ихъ въ частныхъ проявленіяхъ. Мы сложны, но мы и противоположны и въ себѣ самихъ и въ отношеніи къ другимъ. Мамона же думаетъ, что изображенія ни чѣмъ не отличаются отъ того, изображеніемъ чего служатъ, и имѣютъ съ предметомъ изображенія совершенно одну и ту же природу и сущность. Но тогда зачѣмъ же говорить о портретѣ и изображеніи, если они не отличаются между собою различіемъ природъ? Итакъ, совершенно разошелся съ истиной этотъ мудрецъ и весьма удалился отъ пониманія вещей. Поэтому слѣдуетъ сказать ему слѣдующее: развѣ ты не замѣтилъ, великій философъ, что и здѣсь ты запутался въ собственныхъ построеніяхъ? Такъ какъ согласно твоимъ словамъ образъ долженъ быть тождественъ съ первообразомъ и такъ какъ ты самъ признаешь, что образъ описуемъ,—да и нѣтъ такого безумца, который бы не призналъ этого,—то и первообразъ, какъ единосущный ему, долженъ быть описуемъ. Вѣдь единосущные предметы, по отношенію именно къ существу, отнюдь

¹⁾ Разумѣется слово Григорія Богослова 23-е, § 11.

нельзя различать другъ отъ друга, а между тѣмъ описуемость и неописуемость ты понимаешь именно въ отношеніи къ сущности. Если таково твое ученіе, то сооруженіе твое разрушено, ухищренія твои поражены пращей истины и совершенно уничтожены браннымъ оружіемъ. Такъ и слѣдовало, чтобы у этихъ новоявленныхъ учениковъ были такіе учителя и чтобы съ такого поля выросли такіе плоды, худшіе изъ худшихъ, скверные изъ скверныхъ.

17. Настаивая на той же мысли, или точнѣе безсмыслицѣ, онъ говоритъ: „чтобы онъ (образъ) удерживалъ цѣлое (всѣ черты первообраза), иначе это не образъ“. Это также есть дѣло его безумія и глупости. Люди, обладающіе здравымъ разумомъ и не утратившіе способности къ правильной рѣчи напротивъ скажутъ скорѣе, что если удерживается цѣлое, то это уже не образъ, а есть само изображаемое, между коими тождественность является только по виду, но не по предмету (существо). Мамона же думаетъ, что если образъ неодушевленъ, лишенъ движенія и не имѣетъ всего, что принадлежитъ первообразу, то онъ не есть уже образъ. Если же не таковы признаки образа, то у него совсѣмъ уничтожается понятіе образа. Что же отсюда слѣдуетъ? Что одному и тому же въ одно и то же время приходится быть и однимъ и двумя,—но образы и первообразы познаются въ отношеніи другъ къ другу: тотъ подобенъ этому, а этотъ тому. Можно, на примѣръ, о какомъ-либо человѣкѣ сказать, что портретъ похожъ на него, но не человѣкъ похожъ на портретъ. Въ противномъ случаѣ допускалось бы превращеніе и смѣшеніе названій, такъ что можно было бы одинаково и безразлично говорить о человѣкѣ образа, а не только объ образѣ человѣка, и кромѣ того недоумѣвать при этомъ, что

изъ двухъ является главнымъ и первымъ. Все это ясно показываетъ умъ Мамоны. Развѣ это не есть изобрѣтеніе пустой и сбившейся мысли? Столь невѣжественный относительно природы вещей, далеко отбившись отъ истины, онъ подвергается опасности быть обвиненнымъ въ томъ, что все это не лучше вздора, распѣваемаго во время долгихъ собраній въ гинекеяхъ пьяными старухами.

18. Итакъ, у него нѣтъ ни искры вѣры, ни капли логики. Да и откуда у него явится понятіе о причинѣ и причиняемомъ, или о сравненіи подобнаго? или можетъ ли рассуждать о сообщающемъ и сообщаемомъ, а равно и о неодинаковости и различіи? (Для него не имѣетъ никакого значенія то), что мыслится по отношенію къ природѣ въ образѣ и первообразѣ, что представляетъ намъ съ одной стороны отношеніе и качество ихъ, а съ другой—различіе субъекта (предмета). Принимая ихъ оба за одно и то же, онъ по неумѣнію изслѣдовать вещи совершенно упразднилъ понятіе образа, что недопустимо. Такимъ образомъ онъ подмѣнилъ самую природу вещей. Но мнѣ кажется, что и самъ я поддаюсь вмѣстѣ съ нимъ невѣжеству, упрекая его за то, о чемъ онъ никогда не имѣлъ понятія. Мнѣ представляется, что я дѣлаю тоже, какъ если бы кто рѣшился преподавать земледѣльцу или чернорабочему отвлеченныя науки. Какое дѣло до логическихъ правилъ человѣкоубійцѣ и невѣждѣ, человѣку, услаждающемуся христіанскою кровію, утѣшающемуся псами и свиньями, коимъ онъ отдавалъ большую часть своего времени? Откуда ему научиться заботѣ о догматахъ и какъ ему овладѣть этимъ сложнымъ знаніемъ, занимаясь такими вещами? Оставляемъ теперь рѣчь объ остальной его жизни, о чемъ и говорить стыдно, а слышать еще стыднѣе и

вреднѣе. Кто видѣлъ когда-либо человѣка—любителя охоты, выслѣживающаго подобно псамъ и звѣрямъ слѣды вепрей и оленей, преданнаго страстно конскимъ бѣгамъ, цѣнящаго ихъ, какъ благовонное мѣро, правильно и здраво обсуждающимъ возвышенные догматы религіи? Легче повѣрить, что работающій весломъ изучаетъ горшечное производство или земледѣліе и что одѣтый въ латы служить морякомъ вмѣсто того, чтобы быть въ рядахъ тяжеловооруженныхъ, чѣмъ чтобы человѣкъ, выпачканный навозомъ и невыразимой скверной, съ окровавленными руками, необузданнымъ языкомъ и гнилымъ умомъ, могъ касаться божественныхъ догматовъ и говорить о божественныхъ тайнахъ, кои открываются вышнему благодатію, чистымъ сердцемъ и достойнымъ приближаться къ Богу.

19. Но объ этомъ мы говорить не будемъ болѣе. Опуская нѣкоторыя неприличныя и возмутительныя мѣста въ его сочиненіи, мы перейдемъ къ тому, что представляется болѣе важнымъ. „Мы спрашиваемъ у васъ,—говоритъ онъ,—какъ возможно, чтобы Господь нашъ Іисусъ Христосъ, будучи однимъ лицомъ при неслитномъ единеніи изъ двухъ естествъ—матеріальнаго и нематеріальнаго, писался, то-есть изображался?“ Мамона, заранѣе подготовившій всѣ свои замыслы при помощи власти, которая по Божію попущенію была дарована ему, обращается съ вопросомъ къ лицамъ священнаго сана, которыхъ заключеніями и темницами, угрозами и другими разными устрашеніями преклонилъ слѣдовать своей волѣ. Итакъ, онъ спрашиваетъ, можно ли писать Христа, состоящаго изъ двухъ естествъ—матеріальнаго и нематеріальнаго? Обнаруживается и здѣсь пустота и нескладица въ его рѣчи и то, что онъ дѣлаетъ выводы, противорѣчащіе

его посылкамъ. Если бы онъ заботился объ истинности святыхъ догматовъ нашихъ, то ему надлежало прямо вступить на царскій путь и предпринять точное изслѣдованіе нашего таинства (домостроительства). Такъ какъ онъ началъ говорить о матеріальной и нематеріальной природѣ, предметахъ совершенно противоположныхъ другъ другу, то онъ долженъ былъ точно и опредѣленно указать присущія каждому члену противоположенія свойства, наблюдаемая въ той и другой природѣ. И если нематеріальному принадлежить неопикуемость, какъ и онъ потомъ скажетъ, равно какъ безобразность и безвидность или еще что подобное и соотвѣтственное этому, то совершенно необходимо, чтобы и матеріальному, какъ полной противоположности нематеріальнаго, были приписаны противоположные признаки, то-есть опикуемость, образность, видимость и тому подобное, дабы противоположеніе было представлено какъ слѣдуетъ и безупречно. Тогда бы онъ понялъ, что изображать Христа возможно, болѣе того—согласно съ истиной и благочестиво. Но ни о чемъ подобномъ онъ не заботился. Своихъ словъ онъ не подвергалъ надлежащему обсужденію, а только своею властію содѣйствовалъ заблужденію своихъ руководителей. Иначе онъ сказалъ бы, что матеріальное изображаемо и опикуемо. Но какъ тому, кто держался за плугъ, у мудреца усвоилось неразуміе, такъ ничтожество и глупость достанутся этому виновнику гнуснаго предпріятія. Онъ противорѣчитъ истинѣ и самому себѣ, не понимаетъ ни того, что говоритъ, ни того, о чемъ утверждаетъ, поступая такъ по невѣжеству своему и глупости.

20. Затѣмъ, онъ дѣлаетъ видъ, что признаетъ неслитное единеніе въ лицѣ Христа двухъ противоположныхъ естествъ согласно ученію отцовъ: „Богъ,

говорятъ богословы, послѣ воспріятія (человѣческаго естества) представляетъ единство (состоящее) изъ двухъ противоположныхъ естествъ“. Какимъ же образомъ онъ удержитъ неслитность, если то, что свойственно по существу одному изъ естествъ, онъ приписываетъ обоимъ? Это невозможно. Не могутъ свойства, присущія божескому и превышнему естеству, природно перейти къ нашей этой земной сущности. Нематеріальная природа не можетъ быть тождественна съ матеріальною по своимъ свойствамъ, совершенно отдѣльнымъ другъ отъ друга. Непризнающій этого допускаетъ не что иное, какъ то, что противоположное и многимъ другъ отъ друга отличающееся начало соединяется по природѣ въ одно и то же и смѣшивается, сливается и превращается одно въ другое, и такъ, что естества, вслѣдствіе объединенія въ одну ипостась, или оба неописуемы ради Слова, или оба описуемы ради плоти, или, что точнѣе, ни то, ни другое, а образуется нѣкоторый другой видъ сущности, который произвело сліяніе и измыслило легкомысліе Мамоны. Въдѣ сліяніе есть нѣчто такое, что уничтожаетъ соединяющіяся части и ни одну изъ нихъ не сохраняетъ въ чистомъ видѣ, такъ что въ Немъ не осталось ни божества, ни человѣчества. Итакъ, ему нельзя говорить о неслитности, если онъ не припишетъ каждому изъ естествъ отдѣльно особенностей, которыми они обладаютъ по существу. И какъ можно допустить, чтобы составленное изъ нѣкоторыхъ противоположностей именовалось или познавалось по названію, принадлежащему одной изъ этихъ частей? Въ приложеніи къ занимающему насъ ученію необходимо держаться точныхъ выраженій и называть или все описуемымъ или все неописуемымъ. Поэтому, напимѣръ, человѣкомъ или человѣческимъ естествомъ

называется не одна душа и не одно тѣло, но цѣлая (совокупность) изъ обоихъ есть человѣкъ. Точно также и домомъ нельзя назвать въ собственномъ смыслѣ и самихъ по себѣ камень или дерево, или все иное, изъ чего онъ состоитъ. Въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ воздержаться отъ антидотическаго, синекдохическаго или другого какого-либо тропическаго употребленія словъ, какъ не соответствующаго точному значенію словъ. Это должно быть соблюдаемо и въ словоупотребленіи о Христѣ. Какъ мы не называемъ Его ни только богомъ, ни только человѣкомъ, потому что Онъ есть то и другое, такъ не можемъ называть Его ни только неопикуемымъ ради Слова, ибо Онъ не Слово только,—ни только опикуемымъ ради Его человѣчества, ибо Онъ не человѣкъ только. Но точно и собственно о Немъ должно говорить и то и другое. Такъ какъ Онъ одинъ и тотъ же есть вмѣстѣ и Богъ и человѣкъ, то одинъ и тотъ же Онъ въ одно и то же время и опикуемъ и неопикуемъ. Истинность этого доказывается и отъ противоположнаго. Различнымъ природамъ никогда не могутъ принадлежать одни и тѣ же признаки. Свойство безсмертія и невидимости нельзя одновременно приписывать душѣ и тѣлу. То же и въ противоположномъ случаѣ: смертность и видимость нельзя приписывать обоимъ. Точно также нельзя благочестно говорить о неопикуемости обоихъ естествъ во Христѣ. Отсюда такъ мыслящій и разсуждающій оказывается безбожникомъ и невѣждой.

Затѣмъ онъ говоритъ слѣдующее: „такъ какъ Онъ имѣетъ съ Своею плотію соединеннымъ и другую нематеріальную природу и съ этими двумя природами пребываетъ единымъ, и такъ какъ лицо Его или ипостась Его неотдѣлимо отъ двухъ природъ, то

мы не допускаемъ, чтобы Онъ могъ быть описуемъ, такъ какъ и изображаемое есть единое лицо и потому описывающій лицо это очевидно описываетъ и божескую природу Его, которая неописуема“. Дошелъ храбрецъ до самаго главнаго въ своей рѣчи. Онъ очень тѣшится и гордится этимъ разсужденіемъ, такъ какъ считаетъ его неотразимымъ и неопровержимымъ. Это умозаключеніе въ глазахъ людей недалекихъ и неразумныхъ приобрѣло силу и значеніе и всюду вторгается, какъ будто легче летать въ выси по воздуху, чѣмъ избавиться отъ сѣтей этихъ словъ. Думаютъ, что оно обладаетъ непобѣдимой силой и неопровержимо. Выставляя его какъ пугало, они наводятъ страхъ на тѣхъ, которые внимаютъ имъ безъ разсужденія и изслѣдованія, связываютъ ихъ неразрывными оковами. И эти послѣдніе, невольно увлекаемые кажущеюся въ нихъ убѣдительностію, соглашались съ ними. По истинѣ они напояютъ ближняго развращеніемъ мутнымъ (Аввак. 2, 15) и *глаголютъ отъ сердца, а не отъ устъ Господнихъ* (Іер. 23, 16). Но и здѣсь они уловляются собственными сѣтями и опровергаются путемъ превращенія доказательствъ. Удивленія достойны слабость и ничтожество тѣхъ невѣждъ и безумцевъ, которые надѣются на силу и крѣпость такихъ доводовъ. Прежде всего тупость ихъ сказывается въ томъ, что они смѣшиваютъ слова *ῥάφειά* и *περιῥάφειά*: о чемъ раньше этотъ непобѣдимый и страшный писатель говорилъ *ῥάφειά*, теперь онъ употребляетъ *περιῥάφειά*, не зная и не допуская никакого различія между этими словами, какъ сказано уже. И нѣтъ ничего удивительнаго, если они этого не знаютъ и ошибаются. Поэтому мы должны выступить противъ этихъ именно, столь мудрыхъ и искусныхъ, разсужденій. Но относительно

лица и ипостаси, которую и сами они повидимому признаютъ, такъ какъ полагаютъ ее въ основу своего ученія, опираются на нее, какъ на неподвижный фундаментъ и въ ней почерпаютъ смѣлость усердно богословствовать,—то въ этомъ пунктѣ они согласны и единомысленны съ нами. Споръ у насъ будетъ относительно естествъ, которыя на словахъ они признаютъ, но въ дѣйствительности и на дѣлѣ ясно отвергаютъ. Отрицая присущія имъ природныя свойства и отличія, которыми они характеризуются и по которымъ познаются, а именно описуемость человѣческой плоти и природы, какъ болѣе всѣхъ другихъ принадлежащее имъ свойство, они тѣмъ отвергаютъ и самыя естества.

Отлагая обсужденіе этого, прежде всего слѣдуетъ рассмотретьъ, выдерживается ли ими правильное понятіе объ ипостаси. Итакъ, мы говоримъ, что если бы ипостась во Христѣ была чѣмъ-либо простымъ и несложнымъ, совершенно отрицающимъ всякую сложность, то вы могли бы приписывать Ему неописуемость, ибо такова природа простого,—согласились бы съ этимъ и мы, и предметъ спора исчезъ бы. Если же она есть нѣчто двойственное и сложное, представляющее соединеніе изъ двухъ природъ, какъ утверждаетъ и самъ Мамона, то что скажемъ противникамъ истины? Кромѣ того, если, по вашимъ словамъ, въ виду того, что одно изъ естествъ во Христѣ—божеское признается неописуемымъ, необходимо ради единого лица и единенія двухъ естествъ во одну ипостась и другому изъ нихъ, то-есть нашему, быть неописуемымъ,—ибо вы не настолько безумны, чтобы считать его неописуемымъ само по себѣ,—то что же воспрепятствуетъ намъ прибѣгнуть къ вашему способу умозаключеній, здраво воспользоваться обраще-

ніемъ ихъ въ возраженіе противъ васъ самихъ и сказать слѣдующее: такъ какъ одно изъ естествъ—человѣческое описуемо, что признается всѣми, имѣющими разумъ, такъ какъ и мы сами описуемы и всѣми, что составляетъ насъ, кромѣ грѣха, содѣлался Христосъ, то необходимо, чтобы и другое естество—божеское и неизреченное по той же причинѣ, то-есть вслѣдствіе ипостаснаго единенія, было описуемо, такъ что цѣлое, представляющее соединеніе изъ божества и человѣчества, описуемо? Ибо Христосъ одинаково приобщился къ естеству божескому и человѣческому и содѣлался посредникомъ между Богомъ и людьми. Посредствующее же въ чемъ-либо необходимо приобщается въ равной мѣрѣ той и другой изъ посредствуемыхъ сторонъ и ничего не имѣетъ болѣе или менѣе отъ той или другой, какъ и сказано, что *по неже убо дѣти приобщихася крови и плоти, и той приискреннѣ приобщися тѣхъ же* (Евр. 2, 14). Ясно, что по вашей логикѣ нематеріальное и неописуемое естество является описуемымъ, чего однако вы не хотите допустить въ отношеніи къ матеріальному плотскому. Таково слѣдствіе вашихъ рѣчей: то, что вы выставили противъ насъ, обращается противъ васъ.

Итакъ, какимъ же образомъ можетъ быть сохранена неизмѣнность въ божественномъ Словѣ и соблюдена непреложность нашего естества, о чемъ дѣйствительно повѣствуютъ Евангелія и чему научаютъ святые отцы, коихъ ученіе и взгляды по этому пункту мы постараемся изложить впослѣдствіи?—Какимъ же образомъ сохранится и неслитность въ ипостаси Христовой, относительно коей вы дѣлаете видъ, что признаете ее? Обратимъ также вниманіе и на слѣдующее: такъ какъ природа, которую восприняло Слово, смертна и страстна, претерпѣваетъ раны и болѣзни

И подвержена всему прочему, что она испытываетъ обычно, то въ виду ипостаснаго единенія съ нимъ не дѣлается ли само Слово смертнымъ, страстнымъ и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ является зракъ раба и рабское естество? Чтобы вкратцѣ представить въ нашей рѣчи ихъ богохульство, (слѣдуетъ сказать, что) они, согласно ихъ посылкамъ, вынуждены будутъ признать воплотившееся Слово тѣломъ. Но они могутъ сказать: плоть созерцается соединенною съ Словомъ. Противъ этого пусть выслушаютъ: *и Слово плоть бысть* и возростало, неосязаемое стало осязаемымъ,—и однако Слово не лишилось чрезъ это своихъ божескихъ свойствъ, ни плоть не измѣнила изначально присушихъ ей особенностей, не была выведена изъ свойственнаго ей способа бытія. Относительно пріобрѣтенныхъ плотію послѣ божественнаго воскресенія новыхъ свойствъ нетлѣнія и безсмертія, если кто станетъ возражать, мы будемъ говорить потомъ. Тѣло же наше, которое воспринялъ Господь, по сходству съ нашими тѣлами, безъ сомнѣнія описуемо. Гдѣ когда отъ начала міра слышалъ кто-либо о тѣлѣ неопи-суемомъ? Описуемость принадлежитъ къ необходи-мымъ признакамъ тѣла. Какъ нѣтъ тѣла внѣ времени и пространства, такъ нѣтъ тѣла неопишуемаго. Про-странство описываетъ (ограничиваетъ) и обнимаетъ (содержитъ) тѣло, ибо пространство есть предѣлъ содержащаго, въ которомъ содержитъ содержимое. Сказать о тѣлѣ, что оно неопишуемо, то же самое, что сказать, что оно внѣ пространства. То же, что внѣ пространства, не есть тѣло. Что же изъ этого слѣдуетъ? Тѣло не есть тѣло? Но это уже ни что иное, какъ предѣлъ всякой глупости и безумія. Итакъ, изобрѣтатель этихъ догматовъ попался съ своими перьями, его усилія обратились противъ него самого,

рушились его гордыя и страшныя доказательства, силу которыхъ онъ считалъ неотразимою,—и ничѣмъ не отличаются отъ дѣтской болтовни. Въ самомъ дѣлѣ все это порожденіе дѣтской мысли и ничѣмъ не лучше ребячества.

Чтобы видѣть, до чего можетъ довести ихъ мудрость, къ сказанному прибавимъ слѣдующее. Всѣ, обладающіе разумомъ, признаютъ, что всякое страданіе, испытываемое нашимъ тѣломъ при какомъ-либо случаѣ—когда его бичуютъ, ранятъ, рѣжутъ, жгутъ или что другое, что приноситъ ему вредъ и разрушеніе,—неразрывно связано, переходитъ къ самому страдающему и такъ сказать становится его собственностію, его внутреннимъ достояніемъ. А то, что вы называете описуемостію, способность подлежать изображенію, ничему такому не подпадаетъ, ибо она относится къ внѣшней сторонѣ и не касается тѣла, имѣетъ общее только съ видомъ изображаемаго, его обликомъ. Такъ какъ страдать для насъ ближе, чѣмъ быть описываемыми и изображаемыми, ибо послѣднее является для насъ внѣшнимъ и не имѣетъ отношенія къ страданіямъ тѣла, то слѣдуетъ согласно вашимъ словамъ, что Христосъ, страдая плотію и претерпѣвая за насъ мученія, не только описуемъ по плоти, но что даже онъ страдалъ вмѣстѣ съ плотію и самымъ своимъ божествомъ. Вѣдь справедливѣе, чтобы чаще случалось и происходило то, что среднѣе и ближе намъ, чѣмъ противоположное этому. Почему же, слыша, какъ говорится въ Писаніи, что Господь содѣлался плотію, Сыномъ человѣческимъ, претерпѣлъ немощи или что подобное этому, не соуничижаете также и Его божества, согласно вашимъ послылкамъ, ибо единое лицо Его не отдѣлимо отъ обѣихъ природъ? Говорящій такъ уничижаетъ цар-

ственное естество болѣе, чѣмъ кто описываетъ по плоти.

Итакъ, по вашему, божество вмѣстѣ съ плотію обрѣзается, поражается камнями, одинаково подвергается распятію, соумираетъ и претерпѣваетъ все, что пострадала за насъ, какъ мы вѣримъ, плотъ. Но кто настолько безуменъ? Кто настолько лишился смысла и впалъ въ такую бездну неразумія, чтобы переносить нелѣпыя и богопротивныя рѣчи, которыя вытекаютъ изъ вашихъ посылокъ? Кто потерпитъ такое поношеніе Слова, чтобы слышать, что Оно, по вашему, смертно, описуемо, было влекомо къ земнымъ властямъ, лишено божескихъ свойствъ, отдѣлено и удалено отъ Отчей сущности и славы? Что это иное, какъ не то, что вы вводите чуждаго Бога, измысливъ новую вѣру? Кто отвергнетъ и предастъ свое спасеніе, претерпѣвая ущербъ въ самомъ главномъ, что для насъ всего важнѣе? И если соединенныя во Христѣ естества находятся въ такомъ состояніи, что смѣшавшись прелагаются одно въ другое, то, такъ какъ Слово единосущно Отцу и Духу, слѣдуетъ сказать, что Отецъ, а равно и Духъ, вмѣстѣ пострадалъ. вмѣстѣ родился, вмѣстѣ обрѣзанъ и перенесъ все, что пострадало Слово. Да удалится богохульство это на голову тѣхъ, кто бросаетъ сѣмена этого нечестія!

Охотно скажемъ имъ и слѣдующее: откуда у васъ эта власть насильственно лишать тѣло только описуемости, не обращая вниманія на другія его свойства, какъ-то: форму, троякое измѣреніе, осязаемость, расположеніе органовъ и прочее, изъ чего слагается описуемость? И если удаляютъ какое-либо изъ этихъ свойствъ тѣла, то этимъ отвергается и самое существованіе тѣла. Отрицать, что оно находится и со-

держится въ пространствѣ, значить отвергать, что оно подлежитъ описанію. Объ этомъ смѣшно и говорить.

Итакъ, почему же вы говорите, что у тѣла исчезаетъ только одно это свойство описуемости, а прочія свойства вы обходите молчаніемъ? Между тѣмъ ясно, что однимъ этимъ словомъ вы отвергаете и другія свойства, ибо если не достаетъ одного изъ признаковъ естества, то оно окажется уже несовершеннымъ. Если бы у человѣка не было разума, то онъ не былъ бы человѣкомъ. Равнымъ образомъ если бы не доставало признака смертности, способности держаться прямо и двигаться, одушевленности или чего иного, что составляетъ природу человѣка и входитъ въ понятіе о немъ, то онъ не былъ бы человѣкомъ. И если бы отнять у коня способность ржать, а у пса способность лаять, то это не будутъ ни конь, ни песь. Итакъ, и человѣческая природа во Христѣ, если ее лишить какого-либо изъ ея свойствъ, уже будетъ неполной и Христосъ не будетъ совершеннымъ человѣкомъ. Даже не будетъ Христа, но все упраздняется, если Онъ не описуемъ и не изобразимъ. Но это есть ни что иное, какъ то, чего хотятъ учителя ваши и аріане,—именно, что Господь воспринялъ только одну плоть безъ души, и поэтому представлялся имъ неопикуемымъ и не соединеннымъ съ нею по существу. Такимъ образомъ не былъ сохраненъ весь нашъ составъ. Какъ же снесутъ ваши бредни богословы, которые громко возглашаютъ: если Адамъ палъ одной половиной, то только половина воспринята и спасена (Христомъ),—если же весь соединился съ Богомъ, то весь и спасенъ?

Смотрите, къ какимъ нелѣпостямъ ведетъ рѣчь ваша. Если, согласно вашимъ разсужденіямъ, есте-

ство не должно имѣть свойствъ, что весьма странно, то свойство не должно быть ни у одного изъ двухъ естествъ во Христѣ. Почему же вы приписываете это (отсутствіе свойствъ) особенно усердно одной только плоти и не относите къ другому естеству? (Дѣлаете вы это) для того, чтобы выказать предпочтеніе единой ипостаси, такъ какъ вы смѣло и легко рѣшили, что то, изъ чего естества состоятъ и по чему они познаются, существуетъ только въ мысли, выдумываете по примѣру древнихъ своихъ учителей сліяніе и смѣшеніе естествъ, затѣняете таинство Христово, чтобы яснѣе и раздѣльнѣе выступила измышленная вами ипостась, какъ какой-то козло-олень. Я не понимаю этого распредѣленія: усвоить плоти неописуемость Слова, какъ нѣчто высокое и достопочтенное, воображать, что она чествуется этимъ, хотя чествовать такъ ее непозволительно, и въ то же время, какъ бы изъ зависти лишать ее другихъ божественныхъ преимуществъ, оставлять ее въ полупочетѣ и несовершенствѣ и не воздавать ей подобающей чести. Вѣдь она не столько чествуется тѣмъ, что ей усвоится, сколько безчестится тѣмъ, что у нея отнимается. Щедрый въ одномъ не можетъ быть признанъ добрымъ; какъ и скупой во многомъ является недобрымъ.

Можетъ быть, одного этого признака, усвояемаго плоти (неописуемости), достаточно при разсмотрѣніи настоящаго вопроса для доказательства, что вы совершенно отвергаете бытіе плоти. Этимъ путемъ вы думаете упразднить все домостроительство, какъ испившіе весь потокъ ученія фантазіастовъ. И отчего вамъ въ виду единенія плоти со Словомъ не приписывать ей признаковъ изначальности, безстрастія и нетлѣнія, а также вѣчности, невидимости, неосязаемости, безо-